

Мальчи ~ПО ИМЕНИ~ Рождество

Мэтт Хейг

Силлюстрациями КРИСА МОУЛДА

Мэтт Хейг

Мальчик по имени Рождество

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21633716

Хейг, Мэтт Мальчик по имени Рождество : [повесть] : АСТ; Москва;

2016

ISBN 978-5-17-098077-2

Аннотация

Вы держите в руках настоящую историю Отца Рождества. Возможно, вам он известен под другими именами – Дед Мороз, Санта-Клаус, Юль Томтен или Странный толстяк с белой бородой, который разговаривает с оленями и дарит подарки. Но так его звали не всегда. Когда-то в Финляндии жил мальчик по имени Николас. Хоть судьба обошлась с ним неласково, Николас всем сердцем верил в чудеса. И когда его отец пропал в экспедиции за Полярным кругом, мальчик не отчаялся и отправился его искать.

Николас и вообразить не мог, что там, за завесой северного сияния, его ждёт встреча с эльфами, троллями, проказливыми пикси и волшебством. Посреди бескрайних снегов ему предстоит поверить, что на свете не существует ничего невозможного.

Содержание

Обычный мальчик	5
Сын дровосека	8
Домишко и Мышка	19
Охотник	23
Санки (и другие плохие новости)	30
Прибытие тёти Карлотты	36
Ворчащие животы и прочие кошмары	44
Очень короткая глава с длинным названием, в которой почти ничего не происходит	52
Старуха	54
Олень	63
Что-то красное	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Мэтт Хейг

Мальчик по

имени Рождество

Лукасу и Перл

«Невозможно!»

– Старинное эльфийское ругательство

Matt Haig

A BOY CALLED CHRISTMAS

This edition is published by arrangement with Canongate Books Ltd and The Van Lear Agency LLC. All rights reserved.

Copyright © 2015 by Matt Haig

Illustrations © 2015 by Chris Mould

© К. Колябина, перевод на русский язык, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Обычный мальчик

Вы держите в руках настоящую историю Отца Рождество. Да-да, Отца Рождество.

Вы, наверное, удивитесь, откуда мне известна его настоящая история, но я вам скажу, что такие вещи не стоит подвергать сомнению. Во всяком случае, не в самом начале книги. Прежде всего, это грубо. Поверьте, я знаю настоящую историю Отца Рождество, иначе зачем бы мне её писать?

Возможно, вы не зовёте его Отцом Рождество.

Возможно, вы зовёте его по-другому.

Сантой, Святым Ником, Санта-Клаусом, Синтерклаасом, Крисом Кринглом, Пельцникелем, Юль Томтенем, Дедом Морозом или Странным Толстяком с белой бородой, который разговаривает с оленями и дарит подарки. Или же вы, шутки ради, сами придумали ему имя. Но будь вы эльфом, то всегда звали бы его Отцом Рождество. Санта-Клаусом его прозвали пикси – они же разнесли это имя по свету, чтобы запутать остальных, как свойственно этим маленьким проказливым существам.

Но как бы вы его ни называли, главное, что вы о нём знаете.

А можете представить, что было время, когда никто о нём не знал? Время, когда обычный мальчик по имени Николас жил в неведомой глуши, то есть где-то в Финляндии, и в ма-

гии мыслил не больше любого из нас – только верил в неё всем сердцем. Этот мальчик почти ничего не знал о мире, кроме вкуса грибного супа, да холода северного ветра, да историй, которые ему рассказывали. А из игрушек у него была лишь кукла, сделанная из репки.

Но потом жизнь Николаса изменилась, да так, как он и вообразить не мог. С ним случилось всякое.

Хорошее.

Плохое.

Невозможное.

Но если вы из тех, кто не верит в невозможное, то лучше прямо сейчас отложите эту книгу. Она определённо не для вас.

Потому как полна *невозможностей*.

Вы всё ещё читаете?

Отлично. (Эльфы бы вами гордились).

Тогда начнём...

Сын дровосека

Николас был счастливым мальчиком.

Впрочем, нет.

Если бы его кто-то спросил, он бы ответил, что счастлив. И он, конечно, старался быть счастливым, только подчас это бывало ой как непросто. Думаю, правильнее сказать, что Николас верил в счастье, как верил в эльфов, троллей и пикси. Правда, он в жизни не встречал ни эльфа, ни тролля, ни пикси, – и счастья на его долю тоже выпадали сущие крупницы. Возьмём, к примеру, Рождество.

Вот список рождественских подарков, которые получил Николас за всю свою жизнь:

1. Деревянные санки.

2. Кукла из репки.

Всё.

Так что жизнь у Николаса была непростая. Но он не унывал.

Братьев и сестёр у него не было, а ближайший город – Кристиинанкаупунки – находился во многих часах пути. Добраться до него было даже сложнее, чем выговорить название. А из развлечений – только церковь да витрина магазина игрушек.

– Папа! Смотри! Деревянный олень! – ахал Николас, прижимаясь носом к стеклу.

Или:

– Ой! Кукла-эльф!

Или:

– Ух ты! Фигурка короля!

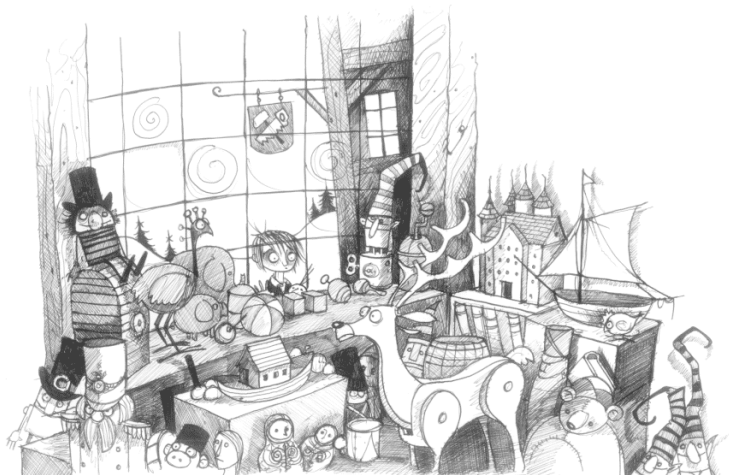
А однажды он даже спросил:

– Можно мне игрушку?

И посмотрел на отца. На худом отцовском лице кустились густые брови, а кожа у него была грубее, чем у промокшего башмака.

– Ты знаешь, сколько они стоят? – спросил Джоэл.

– Нет, – ответил Николас.

Тогда отец поднял левую руку и растопырил пальцы, которых после несчастного случая с топором у него осталось всего четыре с половиной. Ох и крови тогда пролилось! Но не будем углубляться, у нас всё-таки рождественская история.

– Четыре с половиной монеты?

Отец сердито нахмурился.

– Нет. Нет. Пять. Пять монет! А пять монет за игрушечного эльфа – слишком большие деньги. На них целый дом можно купить!

– Я думал, дом стоит сотню монет. Разве нет, папа?

– Не умничай, Николас.

– Ты же сам говорил, что умным быть хорошо?

– Но не сейчас, – проворчал отец. – Да и зачем тебе кукла-эльф? У тебя уже есть кукла из репки, которую сделала тебе мать. Ты что же, не можешь вообразить, будто репка похожа на эльфа?

– Конечно, могу, папа, – сказал Николас, которому очень не хотелось расстраивать отца.

– Не волнуйся, сынок, – смягчился Джоэл. – Я буду усердно трудиться и однажды стану таким богатым, что ты сможешь купить все игрушки, какие захочешь. И у нас будет настоящий дом, и собственная карета, на которой мы будем ездить в город, как король и принц!

– Папа, ты только не работай слишком много, – взволнованно сказал Николас. – Играть ведь тоже когда-нибудь нужно. А мне довольно и моей куклы из репки.

Но папе приходилось много работать. Он рубил деревья каждый день с утра и до вечера – приступал к работе с первыми лучами солнца и до заката не выпускал топор из рук.

– Беда в том, что мы живём в Финляндии, – объяснил отец Николасу в тот день, когда началась наша история.

– А разве не все живут в Финляндии? – спросил Николас. Они направлялись в лес и как раз проходили мимо старого каменного колодца, на который старались не смотреть. Легкий снежок припорошил землю. Джоэл нёс за спиной топор, и лезвие блестело в лучах холодного утреннего солнца.

– Нет, – сказал Джоэл. – Некоторые живут в Швеции. А

ещё человек семь – в Норвегии. Может, даже восемь. Мир большой.

– Так почему же плохо, что мы живём в Финляндии, папа?

– Деревья, – коротко ответил Джоэл.

– Деревья? Я думал, тебе нравятся деревья. Потому-то ты их и рубишь.

– Но здесь они растут на каждом шагу. Вот за них и платят сушие... – Джоэл остановился и заозирался.

– Что такое, папа?

– Кажется, я что-то слышал.

Но вокруг были только берёзы, сосны, кустарник и вереск. Да красногрудая птаха сидела на ветке.

– Послышалось, – неуверенно пробормотал Джоэл.

Окинув взглядом вековую сосну, он положил руку на грубую кору.

– Вот эту.

Отец заработал топором, а Николас принялся искать ягоды и грибы.

В его корзинке сиротливо болтался один-единственный гриб, когда вдалеке мальчик заприметил какого-то зверя. Николас любил животных, но чаще всего ему попадались птицы, мыши и кролики. Иногда он замечал среди деревьев лося.

Но этот зверь был крупнее и сильнее.

Медведь. Огромный бурый медведь, раза в три выше Николаса, стоял на задних лапах, а передними сноровисто закидывал ягоды в пасть. Сердце Николаса подпрыгнуло от волнения. Он решил подобраться поближе.

Николас осторожно крался вперёд, пока не подошёл совсем близко.

Я знаю этого медведя!

К несчастью, Николас признал в медведе старого знакомого как раз в тот миг, когда наступил на сухую ветку, и та оглушительно треснула у него под ногой. Медведь вскинул голову и уставился прямо на мальчика.

Николас почувствовал, как кто-то крепко схватил его за руку. Обернувшись, он увидел отца.

– Ты что творишь? – сердито прошипел Джоэл, больно сжимая плечо мальчика. – Помереть захотел?

Вдруг отец его отпустил.

– Стань лесом, – прошептал Джоэл. Он всегда так говорил, когда их подстерегала опасность. Николас не знал, что именно нужно делать, и поэтому просто стоял неподвижно.

Но было поздно.

Когда Николасу едва исполнилось шесть, он вместе с матерью – своей весёлой, розовощёкой, звонкоголосой матерью – пошёл за водой к колодцу. Там они увидели этого медведя. Мать сказала Николасу бежать к дому, и Николас побежал. Мать осталась.

Отец крепче перехватил топор, но мальчик заметил, как дрожат его руки. Джоэл задвинул сына себе за спину – на случай, если медведь на них бросится.

– Беги, – сказал он.

– Нет. Я останусь с тобой.

Сложно было угадать, собирается медведь гнаться за ними или нет. Возможно, зверь был слишком стар. Но зарычать он зарычал.

В тот же миг раздался свист, а Николас почувствовал, как что-то щекотнуло его по щеке. Секунду спустя стрела с серым оперением воткнулась в дерево рядом с головой медведя. Зверь опустил на четыре лапы и, переваливаясь, заспешил прочь.

Николас и Джоэл оглянулись, пытаясь рассмотреть неведомого лучника, но за соснами никого не было видно.

– Наверное, охотник, – предположил Джоэл.

За неделю до этого они нашли в лесу лося, в боку у которого торчала точно такая же стрела с серыми перьями. Николас упросил отца помочь несчастному животному. Перед тем как вытащить стрелу, Джоэл долго прикладывал к ране

снег.

Какое-то время они ещё таращились на деревья. Где-то в лесу хрустнула ветка, но таинственный охотник так и не появился.

– Ладно, Рождество, пойдем, – окликнул его отец.

Николаса давненько так не называли.

Когда-то отец шутил, и веселился, и всем давал прозвища. Мать Николаса он прозвал «Пряничком», хотя на самом деле её звали Лилья, а Николаса – «Рождеством», поскольку тот родился двадцать пятого декабря. Джоэл даже вырезал прозвище сына на спинке его деревянных саней.

– Пряничек, ты только посмотри на нашего маленького рождественского мальчика!

Теперь отец его так уже не зовёт.

– Придумал тоже, подглядывать за медведями! – проворчал он. – Держись рядом со мной. Какой же ты ещё ребенок.

Почти час по лесу разносились только удары топора. Наконец Джоэл остановился и присел на пень.

– Давай помогу, – предложил Николас.

Отец поднял левую руку.

– Вот что случается, когда одиннадцатилетние берутся за топор.

И Николас снова уткнулся в землю, выискивая грибы. Интересно, быть одиннадцатилетним когда-нибудь станет весело?

Домишко и Мышка

Дом, где жили Николас с отцом, был, наверное, самым маленьким во всей Финляндии.

Он состоял всего из одной комнаты, которая служила и спальней, и гостиной, и ванной. Хотя никакой ванны там не было – не было даже туалета. Нужду справляли на улице, где Джоэл выкопал для этого большую яму. Спали они на кроватях с матрасами, набитыми перьями и соломой. Деревянные санки стояли снаружи, но куклу из репки Николас держал рядом с кроватью, чтобы она напоминала ему о маме.

Скромность их жилища мальчика ничуть не смущала. Неважно, насколько бедный у тебя дом, если воображение богатое. В свободную минутку Николас часто грезил о волшебных существах, вроде эльфов и пикси.

Самым любимым его временем были часы перед сном, потому что отец обязательно рассказывал ему сказку. Бурый мышонок, которого Николас звал Миикой, пробирался в тёплый домик, чтобы погреться, и тоже слушал истории Джоэла.

Ну, то есть Николасу нравилось думать, что он их слушает, но на самом деле Миика мечтал о сыре. Мышонку тоже фантазии было не занимать – ведь он родился в лесу, а в лесу нет ни коз, ни коров. Значит, Миика ни разу не видел и не нюхал сыр, не говоря уж о том, чтобы попробовать его на зубок.

Но Миика, как и все мыши, верил в существование сыра и твёрдо знал, что, если когда-нибудь ему попадется кусочек, он будет очень и очень вкусным.

Итак, Николас лежал, уютно завернувшись в одеяло, и внимательно слушал отца. Джоэл всегда выглядел усталым, кругов у него под глазами год от года только прибавлялось, словно колея у дерева.

– Ну-с, – сказал отец в тот вечер. – Какую историю ты хочешь услышать?

– Расскажи про эльфов.

– Опять? Ты просишь рассказать о них каждую ночь с тех пор, как тебе стукнуло три.

– Пожалуйста, папа! Я хочу про эльфов.

И Джоэл принялся рассказывать об эльфах Крайнего Севера, что жили под единственной в Финляндии горой, которую многие люди считали выдумкой. Эльфы обитали в волшебной, укутанной снегом деревеньке под названием Эльфхельм, в окружении заросших лесом холмов.

– Папа, а эльфы настоящие? – спросил Николас.

– Да. Правда, я их никогда не видел, – искренне ответил Джоэл, – но верю, что они есть. А иногда верить ничуть не хуже, чем знать.

Николас был согласен с отцом, а вот мышонок Миика с ним бы не согласился – если бы, конечно, понимал, о чём они говорят. Если бы он понимал, то сказал бы:

– Я бы предпочёл отведать настоящего сыру, чем верить

в то, что он вкусный.

Но Николасу было довольно слов отца.

– Да, папа, я знаю, что верить не хуже, чем знать. И я верю, что эльфы – дружелюбный народец. А ты как думаешь?

– Думаю, да, – сказал Джоэл. – И они носят яркие одежды.

– Папа, у тебя тоже яркая одежда!

Это было правдой: Джоэл шил себе костюмы из остатков ткани, которые отдавал ему городской портной. И потому штаны его пестрели разноцветными лоскутками, рубашка была зелёной, а на голове красовался красный колпак с белой меховой оторочкой и пушистым белым помпоном.

– Да, но моя одежда вся испачкалась и пообтрепалась. А наряды эльфов всегда с иголочки...

Джоэл замолчал – снаружи послышался шум.

И кто-то три раза постучал в дверь.

ОХОТНИК

– Кто заявился в такой час? – нахмурился Джоэл.

– Может, тётя Карлотта? – предположил Николас, всей душой надеясь, что это не она.

Джоэл шагнул к двери – в буквальном смысле шагнул, поскольку от кровати Николаса до двери был всего один шаг. Щелкнув задвижкой, он увидел на пороге человека: высокого, с могучими плечами, квадратной челюстью и волосами цвета соломы. Глаза у него были голубые; он пах сеном и выглядел сильным, как двадцать лошадей. Или половина медведя. Казалось, захоти он – и одной рукой поднимет их жалкий домишко. Но в тот вечер у него не было настроения отрывать дома от земли.

За спиной у незнакомца висел колчан, из которого торчали стрелы с серым оперением.

– Ты – охотник, – догадался Джоэл.

Николас видел, что отец впечатлён.

– Верно, – пробасил охотник. Даже голос его был мускулистым. – Меня зовут Андерс. Близко к вам медведь подобрался. Ещё бы чуть-чуть, и...

– Да, спасибо. Ты заходи, заходи. Я Джоэл. А этот славный мальчик – мой сын Николас.

Большой человек заметил в углу комнаты мышонка, который деловито дожёвывал гриб.

– Не нравишься ты мне, – пропищал Миика, глядя на громадные башмаки гостя. – Ноги у тебя, скажем честно, чудовищные.

– Выпьешь чего-нибудь? – робко предложил Джоэл. – У меня есть вино из морошки.

– Пожалуй, – сказал Андерс, потом увидел Николаса и приветливо ему улыбнулся. – От вина не откажусь. Я смотрю, Джоэл, ты даже дома не снимаешь свой колпак.

– В нём теплее.

Вино из морошки, подумал Николас, глядя, как отец достаёт бутылку с верхней полки кухонного шкафа. Он и не знал, что у Джоэла припрятано вино.

Отцы полны загадок.

– Я пришёл попросить тебя о помощи, – сказал Андерс.

– Слушаю, – ответил Джоэл, разливая вино по чашкам.

Андерс сначала пригубил, потом сделал большой глоток, а затем осушил чашку до дна. Вытер рот широкой ладонью и сказал:

– Я хочу, чтобы ты кое-что сделал. Для короля.

Джоэл удивился.

– Для короля Фредерика? – переспросил он и вдруг расхохотался. Ну конечно же, охотник шутит. Хотя и не слишком удачно. – Ха! А я тебе почти поверил. На что королю скромный дровосек вроде меня?

Джоэл ждал, что Андерс тоже рассмеётся, но в домике повисла тишина.

– Я следил за тобой весь день. Ты ловко орудуешь топором... – Андерс оборвал себя на полуслове, заметив, что Николас сидит на кровати и жадно ловит каждое слово самого увлекательного разговора, который ему доводилось слышать. – Наверное, нам лучше поговорить с глазу на глаз.

Джоэл кивнул так резко, что белый помпон упал ему на глаза.

– Николас, иди в другую комнату.

– Папа, но у нас нет другой комнаты!

Отец вздохнул.

– Ах да, ты прав... Тогда, наверное, нам придётся выйти наружу, – сказал он гостю-великану. – К счастью, вечер выдался тёплый, самый что ни на есть летний. Можешь одолжить мою шапку, если хочешь.

Тут Андерс наконец рассмеялся – громко и раскатисто.

– Спасибо, обойдусь! – сказал он.

Отец с охотником вышли за дверь, а Николас остался лежать в кровати. Навострив уши, он пытался подслушать, о чём они говорят, но до него долетал лишь смутный шум голосов и обрывки слов.

– Люди... король... золото... Турку... далеко... гора... оружие... деньги... деньги...

Деньги упоминались несколько раз. Но затем Николас услышал слово, которое заставило его резко сесть. Потому что это было волшебное слово. Возможно, самое волшебное слово на свете.

Эльфы.

Мышонок Миика пробежался вдоль стены, затем встал на задние лапки и посмотрел на Николаса. Выглядел он так, будто вот-вот заговорит. Насколько это возможно для мыши. Согласитесь, такое бывает нечасто.

– Сыр, – сказал Миика на мышьином языке.

– Что-то мне всё это не нравится, Миика.

Мышонок поднял мордочку к окну, и Николасу показалось, что его крошечные тёмные глазки наполнились трево-

гой, а нос беспокойно задёргался.

– А раз сыра мне не видать, я съем это старое овощное чучелко.

Миика повернулся к кукле-репке, которая лежала рядом с кроватью Николаса, и откусил кусок.

– Эй, это мой рождественский подарок! – воскликнул Николай.

– А ямышь. И Рождество для меня ничего не значит.

– Эй! – снова сказал мальчик, но трудно было злиться на мышонка, и он позволил Миике отъесть кукле ухо.

Отец с охотником ещё долго беседовали под окном, попивая морошковое вино, пока Николай лежал в темноте, и живот у него сводило от дурных предчувствий.

У Миики тоже сводило живот, но так часто бывает с теми, кто ест сырую репу.

– Спокойной ночи, Миика.

– Лучше б это был сыр, – вздохнул мышонок.

Николай закрыл глаза, но тревожная мысль не давала ему покоя. Мысль о том, что скоро случится что-то плохое.

И он оказался прав.

Именно это и случилось.

Санки (и другие плохие новости)

– Послушай, сын. Я должен кое-что тебе сказать, – объявил отец за завтраком. На столе лежал чёрствый ржаной хлеб. Больше чёрствого ржаного хлеба на завтрак Николас любил только свежий ржаной хлеб.

– Что такое, папа? О чём Андерс тебя попросил?

Джоэл глубоко вздохнул, словно ему предстояло прорубаться через следующую фразу топором.

– Мне предложили работу, – сказал он. – И пообещали много денег. Это решит все наши проблемы. Но...

Николас ждал, затаив дыхание. И дождался.

– Но мне придётся уехать.

– Что?

– Не волнуйся, это ненадолго. Всего на два месяца.

– Два *месяца*?

Джоэл на секунду задумался.

– Ну, может быть, на три.

Три месяца звучали как целая вечность.

– Что за работа может занять три месяца?

– Это экспедиция. Группа людей отправляется на Крайний Север, чтобы отыскать Эльфхельм.

Николас едва мог поверить в услышанное. Мысли взволнованно кружились у него в голове. Он всегда верил в эльфов, но даже не представлял, что люди могут на самом деле

пойти и увидеть их. Эльфы. Настоящие живые эльфы!

– Эльфийскую деревню? – на всякий случай уточнил он.

Отец кивнул.

– Король назначил награду для каждого, кто найдёт доказательства, что она существует. Двенадцать тысяч монет. Если поделить на семерых, получится больше трёх тысяч на брата.

– Что-то я сомневаюсь, – покачал головой Николас. Отец был не силён в математике.

– Нам никогда больше не придётся беспокоиться о деньгах!

– Ух ты! Возьмите меня с собой! Я могу за милю разглядеть гриб, даже если он укрыт под снегом. Я вам обязательно пригожусь!

Худое лицо Джоэла печально вытянулось, а круги под глазами стали ещё больше. Косматые брови расползлись в сто-

роны, как две разлюбившие друг друга гусеницы. Даже мягкий красный колпак, кажется, загрустил больше обычного.

— Это слишком опасно, — ответил отец, дыша кислым морошковым вином. — И речь не только о медведях... Ночевать придётся под открытым небом. Финляндия — большая страна. В сотне миль к северу отсюда есть деревня под названием Сейпаярви. А за ней — лишь занесённые снегом равнины, скованные льдом озера да схваченные холодом леса. Когда мы доберёмся до Лапландии, вряд ли нам попадётся хоть какая-то еда, не говоря уж о грибах. И путешествие с каждым днём будет становиться тяжелее. Вот почему до сих пор никто не совался на Крайний Север.

Глаза Николаса наполнились слезами, но плакать он не собирался. Вместо этого он уставился на руку отца — ту, на которой не хватало половины пальца.

— Откуда же ты знаешь, что у вас получится?

— Со мной пойдут ещё шесть человек. Сильных, здоровых мужчин, как мне сказали. Шансов на успех у нас ничуть не меньше, чем у других, — и Джоэл улыбнулся знакомой улыбкой, от которой в уголках глаз у него залучились морщинки. — Дело того стоит. Обещаю, экспедиция принесёт нам кучу денег, и нам с тобой больше никогда не придётся есть жидкую грибную похлебку и чёрствый хлеб.

Николас видел, что отца тоже печалит грядущая разлука, и решил не сыпать ему соль на рану. Мальчик знал, что должен быть смелым.

– Я буду скучать папа... Но я понимаю, что ты должен идти.

– Ты – дитя леса, – дрожащим голосом произнёс Джоэл. – Твой дух силён. Но прошу, держись подальше от опасностей. Усмири своё любопытство. В тебе слишком много отваги... Я вернусь к сентябрю, когда погода испортится. И тогда-то мы поедим, как короли! – Он с отвращением взял со стола чёрствую горбушку. – Только представь: сосиски, свежий хлеб с маслом и горы пирогов с черникой!

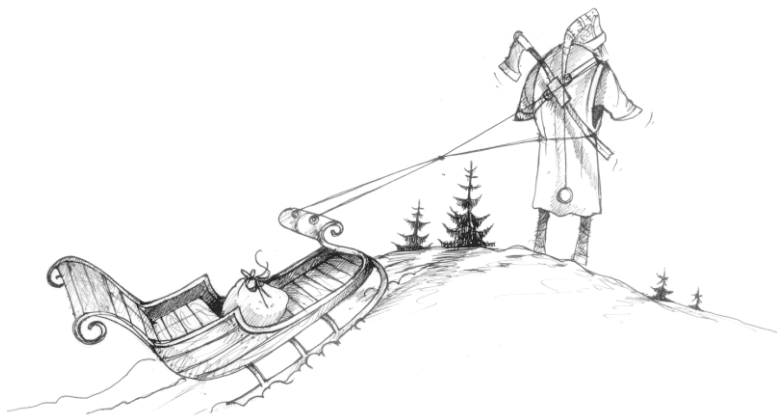
– И сыр? – пискнул Миика, но его никто не услышал.

Пирог с черникой! У Николаса перехватило дух. Он был так голоден, что лакомством казалась сама мысль о сладких синих ягодах и нежнейшем тесте. Один раз ему удалось отведать черники, и она была довольно вкусной, но все знали, что просто ягода и ягода в пироге – это две большие разницы. Увы, мечты о черничном пироге ненадолго утешили Николаса. Вскоре он снова приуныл. Разумеется, отец, который порой боялся выпускать сына из виду, не оставит его одного.

– А кто за мной присмотрит? – с опаской спросил Николай, уже зная ответ.

– Не переживай! – подбодрил его Джоэл. – Я напишу сестре, и она поживёт с тобой.

Сестре?! Только не это. Ничего хуже и вообразить было нельзя. Мысль о рождественском ужине с тётёй Карлоттой пугала Николаса весь год. А теперь ему грозило прожить с ней под одной крышей целых три месяца!

– Папа, не надо, я и сам справлюсь. Я же дитя леса. Я могу...

– Нет, – решительно перебил его Джоэл. – Этот мир полон опасностей. А ты ещё ребенок. Вчера мы в этом убедились. Тётя Карлотта – одинокая женщина, она гораздо старше меня. Сейчас она уже совсем старая, ей сорок два! Мало кто доживает до таких лет. И она будет только рада за тобой приглядеть.

Джоэл вперил в сына долгий взгляд и наконец озвучил последнюю плохую новость.

– И мне придётся забрать твои санки. Андерс сказал, что они нам пригодятся. Чтобы везти... припасы. Да и лето на дворе! Снега с гулькин нос, толком и не покатаешься.

Николас кивнул. Ничего другого на ум не шло.

— А у тебя останется твоя кукла из репки. — Джоэл ткнул пальцем в игрушку, которая сидела у кровати Николааса. Вырезанная на репке физиономия была весьма уныла.

— Ага, — сказал Николас. Он всегда считал, что ему досталась отличная кукла-репка. Во всяком случае, ничуть не хуже других. А может, и лучшая в Финляндии, если кто-то ещё додумался делать куклы из подгнившей репки с душком. — И то правда.

Десять дней спустя, одним холодным солнечным утром, Николас проводил отца в дорогу.

Джоэл надел красный колпак, забросил за спину топор и потянул за собой деревянные санки. Он направлялся туда, где за высокими соснами розовел край неба, чтобы в Кристиинанкаупунки встретиться с другими участниками экспедиции.

После его ухода всё стало *совсем* плохо.

Прибытие тёти Карлотты

Даже во времена, когда большинство тётушек были ужасными, все они меркли по сравнению с тётей Карлоттой.

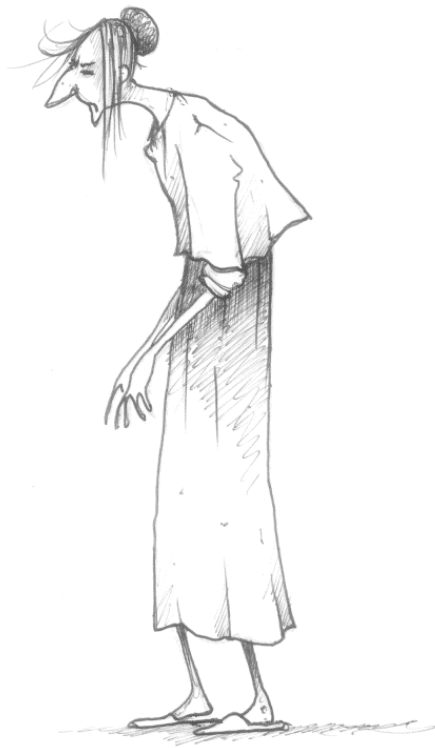
Высокая, худая и седоволосая, она носила исключительно серую одежду, а крохотный рот на её длинном неприветливом лице сходилась в неумолимую точку. От всей её фигуры веяло холодом, а голос так вообще промораживал до костей.

– Так, – строго сказала она, едва переступив порог, – ты должен запомнить несколько правил. Правило первое: солнце встало – и ты встаёшь.

Николас испуганно ахнул. Ничего страшнее и придумать нельзя! Финское лето было в самом разгаре.

– Но солнце встаёт посреди ночи! – воскликнул он.

– Правило второе: не смей со мной спорить. Никогда. Особенно если речь идёт о первом правиле.

Тётя Карлотта посмотрела на Миику, который как раз забрался по ножке стола на столешницу и теперь рыскал в поисках крошек.

– Правило третье: никаких крыс! – с неприкрытым отвращением процедила она.

– Он не крыса!

Но было уже поздно. Тётя Карлотта ухватила мышонка за хвост и, хотя тот отчаянно извивался, отнесла к двери и вышвырнула на улицу.

– Эй! Что вы себе позволяете?! – вопил Миика во всю мощь своих мышиных лёгких. Но даже так едва ли кто-то из людей мог его услышать. А тётя Карлотта захлопнула дверь, шумно приняхалась и вцепилась взглядом в куклу-репку, которая валялась на своём обычном месте – у кровати Николаса.

– И гнилых овощей я в доме тоже не потерплю! – заявила она.

– Стойте, это кукла! Посмотрите, у неё даже лицо есть! – завопил Николас.

– Знаешь, наверное, я её оставлю, – вдруг сказала тётя Карлотта, повертев репку в руках. – Может, её вонь перебьет твою.

Тетя Карлотта смерила Николаса взглядом, полным откровенного презрения. Даже на подгнившую репку она смот-

рела с бльшим уважением.

– Я и забыла, как ненавижу детей. Особенно мальчишек. Мелкорослые возмутители спокойствия. Ясно как день, что мой невежественный девятипалый брат слишком много тебе позволял.

Она оглядела бедный домишко.

– Отец рассказал тебе, зачем я приехала? – спросила тётя Карлотта.

– Чтобы присматривать за мной, – тихо ответил Николас.

– Ха! Ха! Ха-ха-ха-ха! – Отрывистые смешки вылетали из её рта, как летучие мыши из пещеры. Николас испуганно съёжился. Это был первый и последний раз, когда он слышал тётин смех. – Присматривать за тобой? Забавно, забавно. В каком же мире ты живёшь, раз думаешь, что люди делают добро без причины? Ты правда решил, что я приехала, потому что беспокоилась о тебе? Да я бы и шагу не сделала ради тощего, чумазого дурачка, который имеет наглость зваться моим племянником. Нет, я приехала ради денег.

– Денег? – недоумённо захлопал глазами Николас.

– Да. Твой отец пообещал мне пятьсот монет, когда вернется. На эти деньги я куплю пять домов!

– А зачем вам пять домов? – робко спросил Николас.

– Чтобы заработать ещё денег. А потом ещё.

– Значит, кроме денег, вам ничего нужно?

– Говоришь, как настоящий маленький бедняк, – фыркнула тётя Карлотта. – Так, где ты спишь?

– Вот здесь, – ответил Николас, указывая на свою кровать, а затем на другой конец комнаты. – А папа спит вон там.

Тётя Карлотта замотала головой.

– Нет, это невозможно.

– Что невозможно? – пробормотал Николас.

– Я не допущу, чтобы ты видел меня в нижнем белье! К тому же у меня зверски болит спина, так что мне понадобятся оба матраса. Ты ведь не хочешь, чтобы я страдала?

– Конечно, нет, – сказал Николас.

– Вот и прекрасно. Значит, будешь спать снаружи.

– *Снаружи?*

– Да, снаружи. Свежий воздух полезен для души. Никогда не понимала, почему дети так любят сидеть в четырёх стенах. Знаю, на дворе почти девятнадцатый век, но всё же. Давай, давай, кыш! Уже темнеет!

Итак, в ту ночь Николас лежал на траве у дома, укрывшись

старой маминой шубой. Пятачок травы меж двух пенёков, которые папа срубил много лет назад, служил ему постелью, но сквозь скудную растительность то и дело пробивались камешки, больно коловшие спину. Дул холодный ветер. Тётя Карлотта вышла из дома и присела, подобрав нижние юбки, над дырой в земле, чтобы справить нужду. Николас было понадеялся, что она туда свалится, но тут же отругал себя за такие мысли. Тётушка вернулась в тёплый дом, а мальчик всё дрожал под усыпанным звёздами небом и прижимал к себе куклу-репку, чтобы хоть немного согреться. Он подумал о том, как несправедливо устроен мир, и о том, как было бы здорово его исправить. И пока Николас думал, мышонок Миика прошмыгнул у него под рукой и устроился на груди.

– Мне жалко тётю Карлотту, – сказал Николас. – Наверное, тяжело быть такой злой. А ты как думаешь?

– Не знаю, – ответил Миика.

Николас поднял глаза к небу. Хотя поводов для радости у него было мало, ему всё же нравилось лежать вот так и смотреть на звезды. Тем более что одна из них как раз сорвалась, чиркнув по тёмному бархату небес.

– Ты видел, Миика? Звезда упала. Значит, мы можем загадать желание.

И Николас пожелал найти способ заменить всё плохое на хорошее.

– Миика, ты веришь в волшебство?

– Я верю в сыр. Это считается? – пискнул Миика.

Николас никак не мог узнать, верит мышонок в магию или нет, но тешил себя надеждой, что да. Мальчик и его маленький хвостатый друг медленно засыпали, а холодный ветер всё дул и дул, нащёптывая им неведомые секреты ночи.

Ворчащие животы и прочие кошмары

Всё лето Николас спал на улице.

И каждый день с рассвета до заката искал себе еду – по приказу тёти Карлотты. Как-то раз он снова встретил медведя. Тот встал на задние лапы, но Николас не побежал. Он замер. *Стань лесом.* Медведь тоже не двигался – просто стоял, вроде бы мирный, но пугающий. Этот медведь погнал его мать к колодцу. Но Николас не мог его ненавидеть.

– Посмотри на меня, – сказал Николас. – Я худой как щепка. На костях вообще нет мяса.

Словно согласившись, медведь опустил и закосолапил прочь.

Ну разве нашёлся бы в мире мальчик ещё более невезучий, чем Николас? Вообще-то, да. Его звали Гату, и он жил в Индии. Его ударила молния, когда он справлял нужду в речке. Приятного мало. Но если забыть о несчастном Гату, стоит признать, что с отъездом отца и прибытием тёти Карлотты для Николаса наступило на редкость безрадостное время. При виде грибов и трав, которые он собирал в лесу, тётушка лишь недовольно морщила нос. Единственным утешением – кроме мышонка Миики – было считать дни, недели и месяцы до возвращения отца. Для этого Николас делал зарубки

на сосне, росшей неподалёку от дома.

Прошло два месяца. Затем три.

– Где же ты? – спрашивал он, бродя среди деревьев. Но в ответ слышал лишь свист ветра или стук далёкого дятла.

Настроение тёти Карлотты с каждым днем становилось всё сквернее, как вино, давно превратившееся в уксус.

– А ну прекрати! – закричала она как-то вечером, поедая приготовленный Николасом суп. – Или я скормлю тебя медведю.

– Что прекратить? – моргнул мальчик.

– Ужасные звуки, которые издает твоё мерзкое тело.

Николас озадачился. Утихомирить урчащий желудок можно лишь едой, но собранных грибов чаще всего хватало только на суп для тёти Карлотты. Тех, что он тайком поедал в лесу, для утоления голода было явно недостаточно.

Но тётя Карлотта вдруг улыбнулась. Улыбка на её лице смотрелась так же чуждо, как банан на снегу.

– Ладно, можешь поесть супу.

– О, спасибо, тётя Карлотта! Я ужасно голоден. И я так люблю грибной суп!

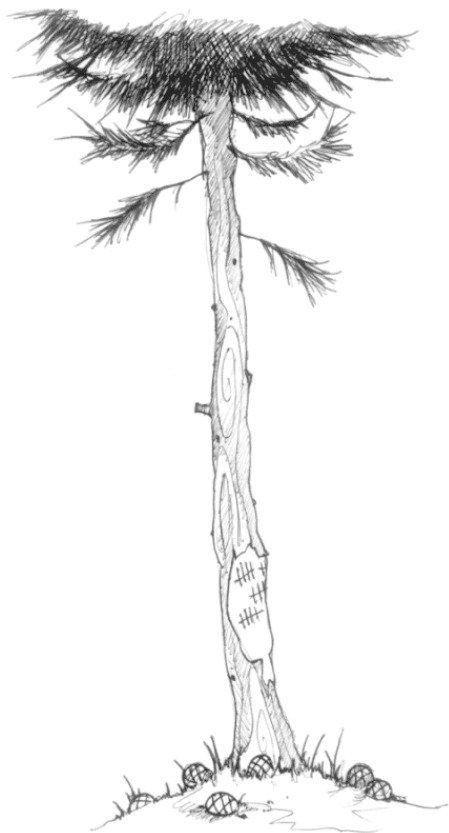
Но тётя Карлотта покачала головой.

– Раз уж ты всегда готовишь суп, я подумала, что должна отплатить услугой за услугу. И пока ты гулял по лесу, приготовила другой суп специально для тебя.

Миика, наблюдавший за ними через окно, отчаянно записал:

– Не ешь его!

Но мышонка никто не услышал.

Николас недоумённо уставился на тарелку, полную мут-

ной зелёно-коричневой жижи.

– А с чем этот суп? – спросил он.

– С любовью, – ответила тётя Карлотта.

Николас сразу понял, что она шутит. Во всей тёте Карлотте любви было не больше, чем в сосульке. Хотя думать так было несправедливо по отношению к сосулькам. Они хотя бы тают. А тётя Карлотта была намертво замёрзшей ледышкой, которая не растаяла бы ни за что и никогда.

– Давай же, ешь.

Николас зачерпнул суп ложкой. Ничего отвратительнее он в жизни не пробовал: как если бы грязь смешали с болотной тиной и залили водой из лужи. Но тётя Карлотта грозной жердью нависала над племянником, и Николас продолжал есть.

Под пристальным взглядом её холодных серых глаз он будто сжимался до размеров букашки. А тётя Карлотта повторила то, что говорила уже сотни раз:

– Твой отец – дурак.

Николас ничего не ответил – просто проглотил ещё ложку мерзкого супа, чувствуя, как подкатывает к горлу тошнота.

Но тётя Карлотта не унималась.

– Всем известно, что никаких эльфов не существует, – говорила она, брызжа слюной. – И твой отец – несмышлёное дитя, раз до сих пор в них верит. Я сильно удивлюсь, если увижу его живым. С Крайнего Севера ещё никто не возвращался. И о чём я только думала, когда ехала сюда, польстив-

шись на его посулы? Понятно, что не видать мне моих денег.

– Вы всегда можете вернуться.

– О нет! Уже не могу. На дворе октябрь, год повернулся к зиме. По такой погоде я десяти миль не пройду. Я застряла тут на всю зиму. По крайней мере, до Рождества. Не то чтобы оно для меня что-то значило. Самое ненавистное время года!

Это было уже слишком.

– Рождество – лучшее время года! – твёрдо сказал Николас. – Я очень его люблю, пусть оно и приходится на мой день рождения.

Он очень хотел добавить, что испортить Рождество может только тётя Карлотта, но подумал, что тогда ему точно не поздоровится.

Тетю Карлотту его ответ немало удивил.

– С чего бы тебе, маленькому оборванцу, любить Рождество? Будь ты сыном богатого купца из Турку или Хельсинки, я бы ещё поняла. Но у моего братца вечно не хватает денег на подарок!

Злость сотней горячих иголок заколола щёки Николаса.

– Рождество – волшебный праздник! И я предпочту дорогой игрушке ту, которую сделали с любовью.

– Твой отец за всю жизнь сделал тебе только санки, – фыркнула тётя Карлотта. – У него же вечно нет времени.

Николас подумал о старой кукле-репке. Интересно, где она? Рядом с дверью, где он её оставил, куклы больше не было.

– Твой отец – обманщик.

– Нет, – сказал Николас. Он доел суп и чувствовал себя очень плохо.

– Он обещал, что вернётся. Говорил, что эльфы – не выдумка. То есть соврал уже два раза... Ладно, что-то я утомилась, – вдруг сказала тётя Карлотта. – Пора мне ложиться спать. Я смотрю, тарелка у тебя уже пустая. Сделай одолжение, скройся с глаз моих, и я буду счастлива, как королева Финляндии. Отныне это мой дом, и я – твоя опекуна. И ты будешь делать в точности, что я говорю. Выметайся. Живо!

Николас встал из-за стола. Живот зверски крутило. Он окинул взглядом комнату.

— А где моя кукла-репка?

Тётя Карлотта улыбнулась — широкой улыбкой, за которой обычно следует смех. А потом сказала:

— Ты её только что съел.

— Что?

Ему потребовалась секунда. Хотя нет, две. Может, три. Три с половиной. Нет. Всего три. Три секунды на то, чтобы понять, что именно он услышал. Его единственная игрушка теперь покоилась у него в желудке.

Николас выбежал из дома, и его стошнило в выгребную яму.

— Зачем вы так? — воскликнул он, не в силах поверить до конца. — Её мне сделала мама!

— Ну, твоей мамы с нами больше нет, — сказала тётя Карлотта, которая высунулась в маленькое окно, чтобы понаблюдать за тем, как Николаса тошнит. — И слава богу. От её визгливых песен у меня вечно болела голова. Я просто подумала, что пора тебе вырасти и избавиться от старых игрушек.

Наконец у Николаса в желудке ничего не осталось. Он поднялся и вернулся в дом. Он подумал о маме. О том, как она держалась за цепь колодезного ведра, пытаясь скрыться от медведя. И как только у тёти Карлотты язык повернулся говорить про неё гадости. Николас понял, что выбора у него нет. Придётся уйти из дома. Жить с тётей Карлоттой он не

сможет. Он уйдёт – и докажет, что отец не врал. Был только один способ сделать это.

– Прощайте, тётя Карлотта, – едва слышно, но со всей решимостью сказал мальчик.

Он отправится на поиски отца. И увидит эльфов. Он всё исправит.

Очень короткая глава с длинным названием, в которой почти ничего не происходит

Тётя Карлотта пробормотала что-то себе под нос, не глядя на Николаса, и забралась в кровать с двумя матрасами.

А Николас сунул в карман забытую на столе чёрствую краюху и вышел в холодную ночь. Он устал; живот болел, на языке всё ещё ощущался вкус гнилой репки, но его переполняло новое чувство – решимость. Да. Он отправится на Крайний Север.

Миика грыз сухой листик.

Заметив мышонка, Николас подумал, что Миика, наверное, его единственный друг.

– Я иду на Крайний Север. Это будет долгое и опасное путешествие. Впереди меня ждут смертельные опасности. Думаю, тебе лучше остаться здесь. Тут тепло и есть еда. Но если хочешь пойти со мной, подай мне знак.

Миика встревоженно посмотрел на дверь домика.

– Нет, «здесь» не значит с тётей Карлоттой, – торопливо сказал Николас. – В твоём распоряжении весь лес.

Миика покосился на глухую стену сосен и берёз.

– Но в лесу нет сыра.

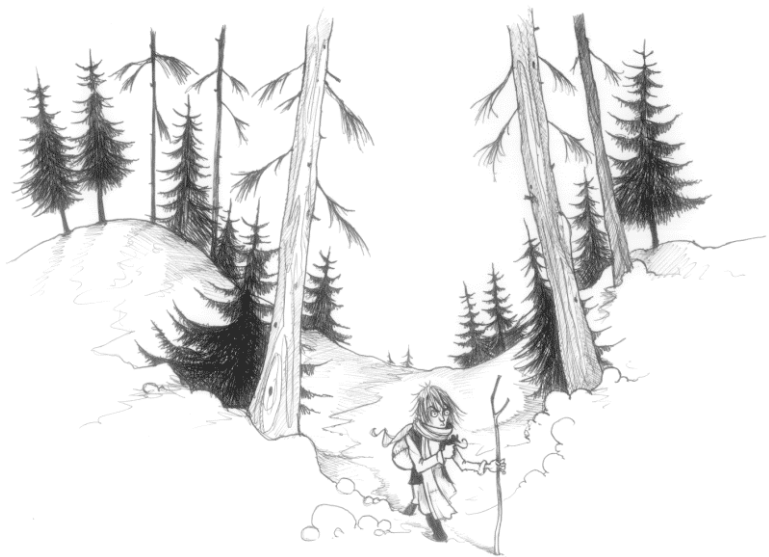
Николас по-прежнему не говорил по-мышьиному, однако

общий смысл уловил.

– Так ты пойдёшь со мной?

Миика встал на задние лапки, и хотя Николас не был уверен, ему показалось, что мышонок кивнул. Тогда он поднял его с земли и сунул в левый карман куртки.

И так, с краюхой хлеба и мышонок в кармане, Николас отправился через лес на север, чтобы найти отца и эльфов. Он изо всех сил старался верить, что у него получится.

Старуха

Николас шёл всю ночь и весь день. Он выглядывал за деревьями бурого медведя и даже заметил на земле отпечаток когтистой лапы, но сам зверь так и не появился. Оставив сосновый лес позади, Николас зашагал по дороге вдоль озера Блитцен. Огромное и невероятно чистое, оно казалось зеркалом, в котором отражалось небо.

Николас шёл много дней и много ночей. На глаза ему попался лось, а пару раз – медведи, но чёрные. Однажды мальчику даже пришлось залезть на дерево, где он просидел час, прежде чем медведю наскучило караулить его внизу. Выбившись из сил, Николас сворачивался калачиком между корней, а Миика спал или рядом на земле, или прямо в кармане. Голод Николас утолял грибами, ягодами и чистой родниковой водой.

Он подбадривал себя, распевая рождественские песни, хотя до Рождества было далеко, и справлял нужду прямо в снег, оставляя неглубокие воронки. Мальчик представлял, как разбогатеет и, проснувшись рождественским утром, получит все игрушки из магазина в Кристиинанкаупunki. Или, что куда лучше, подарит отцу карету и лошадь.

Чем дальше уходил Николас, тем холоднее становилось. Иногда ноги у него болели от долгой дороги. Иногда живот сводило от голода. Но он продолжал идти.

Наконец он достиг деревни Сейпаярви, о которой рассказывал отец. Выяснилось, что вся деревня – это одна широкая улица, вдоль которой выстроились красные бревенчатые дома. Николас пошёл по улице и встретил согнутую пополам беззубую старуху, которая ковыляла, опираясь на палку. Скучный жизненный опыт Николаса говорил о том, что в каждой деревне есть своя беззубая старуха (или старик), которая бродит тут и там и пугает чужаков жуткими рассказами. Так что Николас даже обрадовался, что Сейпаярви не стала исключением.

– Куда держишь путь, таинственный мальчик с мышкой в кармане? – спросила старуха.

– На север, – коротко ответил Николас.

– За сыром, – пискнул Миика, который до сих пор так и не понял, зачем они отправились в путешествие.

Старуха, конечно, была странной, но не настолько странной, чтобы понимать мышиный язык. Поэтому она просто посмотрела на Николаса и покачала головой.

– Не на север, – сказала она, побледнев, как снег (разумеется, чистый). – Иди на восток. Или на запад, или на юг... Только дурак пойдёт на север. В Лапландии никто не живёт. Там никого нет.

– Тогда я круглый дурак, – ответил Николас.

– Нет ничего плохого в том, чтобы быть дураком, – заметил проходивший мимо Дурак, звеня бубенцами на остроносых башмаках.

– Я ищу своего отца, – пустился в объяснения Николас. – Он дровосек, и его зовут Джоэл. Он носит красный колпак. Глаза у него очень усталые, а пальцев всего девять с половиной. Он ушёл вместе с ещё шестью мужчинами. Они направлялись на Крайний Север.

Старуха внимательно посмотрела на мальчика. Лицо её из-за плотной сети морщин напоминало карту. Кстати о картах: она вытащила из кармана скомканный лист бумаги и протянула Николасу.

– Через нашу деревню проходили люди... Да, помнится,

их было семеро. И они несли с собой карты. – Сердце Никола-
ласа подпрыгнуло от волнения. – Одну вот обронили.

– Они вернулись? – с надеждой спросил мальчик.

– Говорю тебе, с севера никто не возвращается, – покачала
головой старуха.

Дорога на Крайний Север

– Спасибо, спасибо вам огромное! – воскликнул Николас

и попытался улыбнуться, чтобы скрыть тревогу. Он подумал, что нужно отблагодарить старуху, но кроме ягод, у него ничего не было. – Пожалуйста, возьмите ягоды.

Старуха улыбнулась в ответ, и Николас увидел красные десны с пеньками сгнивших зубов.

– Ты хороший мальчик, – прошамкала она. – Возьми мою шаль. Скоро тебе понадобится вся тёплая одежда, что есть.

Николас чувствовал, что даже Миика, который путешествовал в тёплом кармашке, начинает дрожать, и не стал отказываться от подарка. Еще раз поблагодарив старуху, он пошёл дальше – теперь уже с картой.

Николас шёл и шёл: через равнины и скованные льдом озёра, укрытые белым одеялом поля и хвойные леса.

Как-то раз он присел под заснеженной ёлкой, стянул башмаки и посмотрел на ноги. Они были все в мозолях, а там, где не было мозолей, кожа покраснела и саднила. Башмаки, которые с самого начала держались на честном слове, теперь просто разваливались у него в руках.

– Всё без толку, – сказал мальчик мышонку. – Не думаю, что смогу идти дальше. Я слишком устал. И становится слишком холодно. Наверное, придётся поворачивать домой.

Но едва он произнёс слово «дом», как понял, что дома-то у него и нет. Был неказистый домишко близ соснового бора, но там его никто не ждал. Уж точно не тётя Карлотта. Что это за дом, если тебе нельзя спать в собственной кровати?

– Послушай, Миика, – Николас скормил мышонку кусок

гриба. – Наверное, лучше тебе остаться в этом лесу. Посмотри на карту. Сомневаюсь, что из нашей затеи что-нибудь выйдет.

Николас и Миика уставились на карту: маршрут экспедиции был отмечен точками, похожими на следы на снегу. А на самой карте не было ни одной прямой линии. Перед ними лежал длинный, извилистый путь, который вёл через леса и в обход озёр к большой горе. Николас знал, что гора большая, потому что именно так она и называлась: Очень большая гора.

Вытащив мышонка из кармана, мальчик поставил его на землю.

– Беги, Миика. Оставь меня. Смотри, здесь есть листья и ягоды. Не пропадёшь. Ну же, беги!

Мышонок поднял на него остроносую мордочку.

– Листья и ягоды? Твоё предложение оскорбительно!

– Серьёзно, Миика, так будет лучше.

Но Миика лишь вскарабкался по ноге Николаса к нему на коленку, и мальчик со вздохом вернул мышонка в карман.

Затем он растянулся на поросшей мхом земле, закутался в старухину шаль и уснул, хотя до вечера было ещё далеко.

Пока он спал, начал падать снег.

Николасу снилось, как ребёнком он отправился с родителями на озеро Блитцен. Папа вёз его на санках, а мама смеялась. И он был так счастлив в этом сне.

А потом что-то его царапнуло, и Николас резко открыл глаза. Миика скрёб крохотными коготками его грудь, попискивая от страха.

– Что такое, Миика?

– Просыпайся! – воскликнул мышонок. – Пришёл кто-то большой и рогатый!

И тут Николас увидел *его*.

Он стоял так близко, что мальчик не сразу сообразил, кто перед ним. Зверь не был похож на медведя, хотя размерами ему не уступал. Зато немного напоминал лося: тот же блестящий тёмно-серый мех и лобастая голова. Но с лосями Николасу сталкиваться доводилось, и это был точно не лось. Грудь животного – не серая, но белоснежная, – тяжело вздымалась; из неё вырывались странные звуки, словно в предках у него повстречались волк и дикая свинья. Голову венчали раскидистые бархатистые рога. Они походили на ветви деревьев, согнутые ветром.

Наконец Николас понял, кто это.

Олень.

Огромный, разгневанный олень.

Который смотрел прямо на него.

Олень

Взгляд этого огромного зверя не сулил ничего хорошего. Тёмно-серый мех напоминал затянувшие небо снеговые облака. Олень повёл головой слева направо, потом вздёрнул морду и издал странный рокочущий звук, словно в груди его клокотал гром.

Миика снова испуганно пискнул. Николас вскочил на ноги.

– Хороший олень! Хороший мальчик! Ты же мальчик?.. – Николас посмотрел вниз, чтобы убедиться. – Да, ты мальчик. Всё в порядке. Я тебя не обижу. Хорошо? Я друг.

Эти слова не возымели никакого эффекта.

Напротив, они только побудили оленя встать на дыбы. Теперь он нависал над Николасом, и копыта рассекали воздух в опасной близости от его лица.

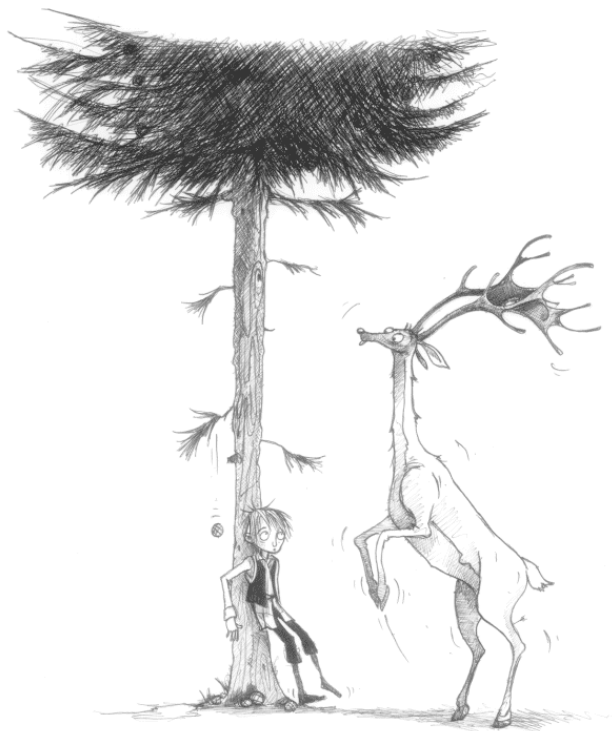
Николас вжался спиной в дерево. Сердце отчаянно колотилось о грудную клетку.

– Что же нам делать? – тихо спросил он Миику, но, если у мышонка и были какие-то соображения, делиться ими он не торопился.

– Может, попробуем убежать? – пробормотал Николас, прекрасно зная, что ему не удастся обогнать оленя. Дыхание срывалось с губ мальчика облачками белого пара, а сам он словно заледенел от испуга.

Олень высился над ним огромной массой меха и мышц и шумно пыхтел. Он пришёл через бурю – дикий, ревущий – и теперь наклонил голову и наставил на Николаса ветвистые рога. Наверное, это был самый большой и яростный олень во всей Финляндии.

Небо раскроила молния, и Николай кинул взгляд вверх.
– Держись крепче, Миика, – сказал он и подпрыгнул, ухватившись обеими руками за ветку над головой. Под рокот грома он едва успел ускользнуть из-под оленьего носа, когда тот врезался прямо в сосну. Николай закинул ноги на ветку и вцепился в неё изо всех сил. Он надеялся, что оленю вскоре наскучит его гонять, и зверь уйдёт. Но тот не торопился – только рыл копытами землю да нарезал круги возле ели.

И тут Николас кое-что заметил.

Олень прихрамывал. Из задней ноги у него торчала какая-то палка. Приглядевшись, Николас понял, что его подстрелили из лука.

«Бедное животное», – подумал мальчик.

В следующий миг спасительная ветка затрещала, и Николас полетел вниз, тяжело приложившись спиной о землю.

– А-а-а-х! – простонал он.

Тень лесного оленя накрыла его с головой.

– погоди, – выдавил мальчик, хватая ртом воздух. – Я могу её вытащить.

Он жестами изобразил, как будет вытаскивать стрелу из ноги. Олени, как правило, плохо понимают язык жестов; возможно, поэтому зверь в ответ лишь мотнул головой, ударив Николаса рогами по рёбрам. Миика от такого поворота пулей вылетел из кармана, кувырнулся в воздухе и врезался точнёхонько в дерево.

Николас встал, хотя ноги у него подкашивались, и сказал, с трудом дыша:

– Тебе больно. Я могу помочь.

Олень замер. Потом сердито засопел и что-то промычал. Николас глубоко вздохнул и, собрав всю храбрость в кулак, кинулся вперёд. Он осторожно прикоснулся к ноге оленя чуть повыше того места, где торчала стрела. И замер.

Перья на стреле были серыми. Совсем как на той, что чуть не попала в медведя. Эта стрела принадлежала охотнику Андерсу.

– Они были здесь, – подумал Николас вслух.

Вспомнив, как отец помогал лосю, мальчик набрал полные ладони снега и обложил им рану.

– Будет больно, но ты уж потерпи, ладно? Потом станет легче.

Наконечник засел глубоко, но кровь вокруг древка уже запеклась. Значит, оленя ранили несколько дней, если не недель назад. Бедный зверь обеспокоенно переступил с ноги на ногу и снова протяжно замычал.

– Всё хорошо, всё хорошо, – приговаривал Николас, осторожно вытягивая стрелу.

Олень задрожал, а потом вдруг развернулся и укусил Николаса за ляжку.

– Эй! Я тебе тут помочь пытаюсь! – обиженно вскрикнул мальчик и наконец выдернул наконечник.

Олень опустил голову, на мгновение застыл, а потом обильно помочился.

– Вот и замечательно, – пробормотал Николас, собирая остатки смелости. Взяв ещё снега, он аккуратно прижал его к ране.

Через несколько минут олень перестал трястись и вроде бы успокоился. Вырывающиеся из ноздрей облака пара уменьшились, и животное начало рыть носом снег в поисках травы.

Чувствуя, что олень потерял к нему интерес, Николас встал. Покрытые мозолями ноги в худых башмаках тут же напомнили о себе. Николас поморщился и принялся отряхиваться от снега. Миика, который успел оправиться от столкновения с деревом, подбежал к мальчику, и тот привыч-

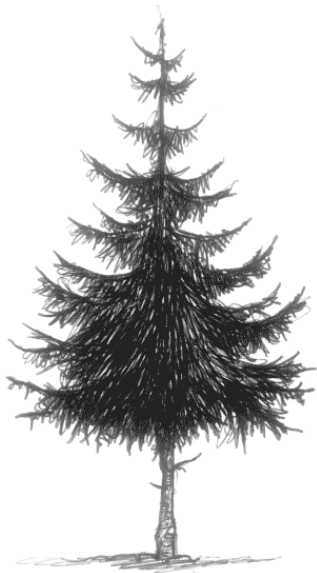
ным жестом усадил его в карман. Одновременно посмотрев вверх, они нашли глазами самую яркую из всех звёзд – Полярную. Николас огляделся по сторонам и увидел большое озеро на востоке и ледяную равнину на западе. Затем он сверился с картой. Им нужно двигаться прямо на север, желательно не отклоняясь от маршрута. И мальчик пошёл, утопая в сугробах, которые выросли вокруг, пока он спал. Но вскоре услышал за спиной чьи-то шаги.

Олень.

На этот раз он не пытался поднять Николаса на рога. Только наклонил голову, как обычно делают собаки.

– Не нравятся мне эти мшистые ветки, что растут у него из головы, – проворчал Миика.

Николас всё шёл, и всякий раз, когда он останавливался, олень тоже застывал на месте.

– Кыш! – попытался прогнать его Николас. – Уж поверь, там, куда мы идём, тебе не понравится. Товарищ из меня не ахти, а путь нам предстоит долгий.

Но олень упорно не отставал. Через несколько миль Николас почувствовал, что силы его на исходе. Ноги налились свинцом. Сквозь дырки в башмаках проглядывали замёрзшие пальцы, а голова гудела от холода и голода. Однако олень, несмотря на рану, выглядел ничуть не уставшим. Наконец Николас поневоле присел под деревом, чтобы отдохнуть. Сохатый подошёл к нему, поглядел на худую обувку и

стёртые в кровь ступни, а потом наклонил голову и подогнул передние ноги.

– Хочешь, чтобы я залез к тебе на спину? – недоверчиво спросил Николас.

Олень фыркнул и что-то промычал.

– Это значит «да» на твоём языке? Миика, как ты думаешь?

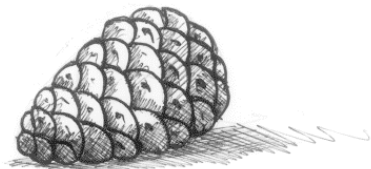
– Думаю, это значит «нет», – ответил Миика.

Но Николас так устал, и у него так болели ноги, что он решил рискнуть.

– Ты же понимаешь, что везти придётся двоих? Меня и моего мышонка. Не возражаешь?

Олень вроде бы не возражал. Поэтому Николас забрался на него и сделал единственное, что ему ещё оставалось.

Понадеялся на лучшее.

Что-то красное

К удивлению Николаса, ехать на олене оказалось не так сложно, как он думал. Приходилось, конечно, мириться с тряской, но это всё равно было куда лучше, чем идти пешком, особенно на стёртых ногах. Да и к тряске Николас со временем привык. Он сидел на широкой спине оленя и осторожно прижимал руку к карману, чтобы Миика не замёрз.

– Нужно придумать тебе имя, – сказал он. – Олени, может, и обходятся без имён, но людям без них никак. Так, чтобы нам... – Мальчик прикрыл глаза и вспомнил сон о родителях и озере Блитцен. – Как тебе Блитцен? Оно означает «молния».

Олень наострил уши и вскинул голову. Николас решил, что ему нравится.

– Значит, так и буду тебя звать.

Олень вроде был не против.

Николас, Миика и Блитцен уходили всё дальше на север. С каждым днём становилось холоднее, и Николас не уставал благодарить судьбу за то, что она свела его с оленем, и доброй старухой, подарившей ему шаль, и Миикой, который согревал ему руку. Мальчик часто наклонялся, чтобы обнять оленя и скормить ему ягоду-другую или кусок гриба из тех запасов, которые остались у него в правом кармане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.